

се движи в много широко пространство: от романизовани исторически студии, изградени на строго документална основа, през жанрово силно застъпените военни романи за Първата и Втората световна война, през тривиални, авантюристични и криминално-шпионски романи, романи за големи исторически завери, патетични родолюбиви романи от националната история в романтичния стил на старата школа – до лични, семейни и генеалогични романи» (вж. [8, с. 87]). Романите на Иво Андрич, Меша Селимович, Добрица Чосич, Борислав Пекич, Данило Киш и Михайло Лалич отварят нова страница в историята на сръбската литература, реализирайки нови идеи, мотиви, поетика и стил върху тестаментата на традицията. А историята като тема и историята като текст се оказват винаги актуални на Балканите, където политика и войни не спират да прекрояват географските карти на полуострова, провокирайки нови и различни културни и литературни маршрути.

Литература

1. Деретић Ј. Историје српске књижевности. – Београд, 1996.
2. Ильина Г. Я. Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX века. – М., 1985.
3. Јовићевић Т. Српски историјски роман XIX века. – Београд, 2007.
4. Кирова Ј. Сходни процеси и явления в литературата на балканските славјани. – С., 1988.
5. Константиновић З. Историја и историчност. О епском казивању српске прошлости у контексту литературе малих народа // Историјски роман, Београд, 1996.
6. Матицки М. Писац и рат // О српској прози. – Београд, 2000.
7. Матицки М. Почетак и крај историјског романа // Књижевност и историја. – Ниш, 2001. – Кн. 4.
8. Палавестра П. Обнова историјског романа // Историјски роман. – Београд, 1996.
9. Рудјаков П. Историја као роман. – Београд, 1998.
10. Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. – Београд, 1967.

Literatura

1. Deretich J. Istorije srpske knizhevnosti. – Beograd, 1996.
2. Il'ina G. Ja. Razvitie jugoslavskogo romana v 20–30-e gody XX veka. – M., 1985.
3. Jovichevich T. Srpski istorijski roman XIX veka. – Beograd, 2007.
4. Kirova L. Shodni procesi i javlenija v literaturata na balkanskite slavjani. – S., 1988.
5. Konstantinovich Z. Istorija i istorichnost. O epskom kazivanu srpske proshlosti u kontekstu literature malih naroda // Istorijiski roman. – Beograd, 1996.
6. Maticki M. Pisac i rat // O srpskoj prozi. – Beograd, 2000.
7. Maticki M. Pochetak i kraj istorijskog romana // Knizhevnost i istorija. – Nish, 2001. – Kn. 4.
8. Palavestra, P. Obnova istorijskog romana // Istorijiski roman. – Beograd, 1996.
9. Rudjakov P. Istorija kao roman. – Beograd, 1998.
10. Skerlich J. Istorija nove srpske knizhevnosti. – Beograd, 1967.

УДК 81'367; 81'373

Н. Ф. Алефиренко

ЗНАКОВО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ³¹

Рассматриваются семиотико-семасиологические аспекты соотношения слова и предложения. Утверждается мысль о возможности смыслопорождения лишь на дискурсивно-речевом уровне высказывания. С другой стороны, доказывается, что в отличие от смысла феномен значения присущ единицам языковой системы – лексемам и предложениям (типovým моделям синтагматических построений).

Ключевые слова: языковой знак, слово, предложение, значение, смысл, сознание, поэма.

³¹ Работа выполнена в рамках госзадания № 633662011.

N. F. Alefirenko

CHARACTER AND SEMIOLOGICAL PROBLEMS OF WORD AND SENTENCE CORRELATION

The article examines the relations of sentences and words contains the idea that the whole mechanism of the language associated with the operations not with values but meanings. This, in turn, suggests the possibility of attributing the phenomenon of meaning only to the sentence but not the word. However, such a categorical decision cannot but cause additional issues related to the dual nature of the sentence, which can act as a unit of language (at first incarnation of the system), and as a unit of speech (in the activity-dynamic aspect). Communicative meaning of the word is determined by the context and situation. Understanding the sense of a verbal sign in the act of communication means to understand what it refers to specifically designated data word. Such denoted, in fact, motivates the choice of a word by communicants. The word, which turned out a particular sign situation and was extracted from the context, loses its meaning.

Keywords: language sign, word, sentence, meaning, sense, mind, noema.

Проблема первичности слова или предложения – предмет давних междисциплинарных дискуссий. Особую остроту она приобрела с появлением знаковой теории языка, согласно которой язык – по природе своей знаковый феномен – представлен весьма разнотипными знаками, но важнейшими из них все-таки признаются слово и предложение. В трудах разных ученых базовым поочередно выступает то одно, то другое образование. Создается впечатление о тупиковой ситуации, сходной с давним спором о том, что первично – курица или яйцо. Не случайно появляются примирительные суждения: дескать, слово и предложение равновеликие единицы. Пожалуй, предельно ясно в этом плане выразился К. Бюлер. Критикуя распространённое в XIX веке мнение о том, что в языке первично предложение, а не слово, он заявляет, что «предложение также не может существовать до слова, как и слово до предложения, поскольку они являются коррелятивными элементами одного и того же (скорее всего достаточно продвинутого) состояния человеческого языка» и что «абстрактная схема предложения без словесного наполнения также не может существовать, как какое-либо отношение без членов этого отношения» [5, с. 70–71].

Данной концепции противопоставляется другая, согласно которой номинация зависит от коммуникации и, соответственно, слово подчинено предложению: «И если из чего и состоит язык, то разве только из целых предложений. Ведь язык есть орудие общения, а общение предполагает те или иные высказывания, понятные тем, кто владеет данным языком. Но высказывание чего-нибудь о чём-нибудь есть приписывание чего-нибудь чему-нибудь, ...или предцирование чего-нибудь о чём-нибудь» [9, с. 245]. Осуществляется же номинация и предцирование только в рамках предложения. Слова вне предложения в живом языке вообще не существуют. Более того, «всякая живая лексика уже так или иначе пропозициональна» [9, с. 246]. Концепции А. Ф. Лосева придерживаются и другие исследователи. В. М. Солнцев, например, подчеркивает, что именно в рамках действия синтаксической конструкции задаются те синтаксические связи, в которые могут вступать слова, реализуя свой валентный потенциал [15, с. 297]. Аналогичное суждение высказывает В. Б. Касевич, замечая, что слово вне синтаксической конструкции, даже грамматически оформленное, неопределенно и синтаксически, и семантически [8, с. 242].

Приоритетный статус предложения (по его отношению к слову) обусловлен когнитивно-прагматической природой языка. Р. Г. Авоян указывает, что исходным пунктом исследования языкового процесса должно быть признано не слово, а предложение, так как, в отличие от слова, без предложения не рождается мысль, без него она не может быть сообщена другим. Только через предложения осуществляется воздействие на поведение людей. В связи с этим, по мнению Р. Г. Авояна, предложение – не только структура языка, но и форма деятельности, поскольку предложение не только мыслительное, но и деятельностное средство. Не будет преувеличением сказать, что в предложении отражается природа и сущность языка. Правда, отнесенность слова к действительности, его денотативные

реляции, регистрируемые словарями, кажутся вполне автономными, независимыми от предложения. «То, что они относятся к миру, – как замечает Р. Г. Авоян, – создаёт иллюзию, будто их значения не зависят от того предложения, в котором они употребляются. Бытие слова вне предложения есть абстракция» [1, с. 69–70, 94]. Поэтому представленные в словарях лексические значения слов на самом деле оказываются обобщениями, искусственно извлечёнными из их естественной среды – предложения.

К заключению о примате предложения над словом приводит и анализ роли языковой номинации и коммуникации Э. Д. Сулейменовой. По её мнению, номинация и как процесс, и как определённая система средств, формируется только в условиях коммуникации, самостоятельность и независимость номинации от коммуникации только относительна – свойства номинации полностью реализуются и раскрываются только в процессах коммуникации. Далее она пишет в развитие этой же мысли, что всякая материализация результатов мышления прежде всего ориентирована на сообщение, поэтому неполным оказывается представление о номинации как неизменном и самодостаточном компоненте языка [16, с. 8]. Наоборот, номинативная деятельность, выбор языкового знака не являются первичными. Реализуя коммуникативную функцию языка, предложение одновременно служит условием осуществления номинативной функции.

Такого рода аргументы оказываются убедительными для тех учёных, которые делают весьма рискованный шаг, коренным образом перекраивая знаковую теорию языка. Они пытаются доказать, что основной знаковой единицей языка является не слово, а предложение. Вслед за Л. Приетом, Э. Бейссансом и В. Г. Гаком, они рассматривают предложения-высказывания собственно знаковыми сущностями. При этом единицы низлежащих уровней оказываются в их подчинении. Не составили исключения и слова, которые из центра лингвосомиотической системы по этой схеме перемещаются в субзнаковую зону (см. [17, с. 43]).

С семасиологической точки зрения, зависимость слова от предложения всплывает каждый раз, когда мы при общении с другими пытаемся выяснить семантику употребленного слова. Собеседник, как правило, с целью разъяснить лексическое значение слова, помещает его в рамки предложения. Соответствующим психологической реальности признает приоритет предложения над словом и У. Кинч [18, с. 428].

В рамках представлений о примате предложения над словом содержится мысль о том, что весь механизм языка связан с осуществлением операций не над значениями, а над смыслами. Это в свою очередь наводит на мысль о возможности отнесения феномена смысла лишь к предложению, но никак не к слову. Однако столь безапелляционное решение не может не вызывать дополнительных вопросов, связанных с двойственным характером предложения, которое может выступать и как единица языка (на уровне системной ипостаси языка), и как единица речи (в деятельностно-динамическом аспекте).

Интерпретация природы смысла, несомненно, зависит от придания предложению системно-статического или деятельностно-динамического статуса.

Характер смысла предложения как языкового знака определяется В. М. Солнцевым следующим образом: смысл предложения возникает в результате целого ряда языковых факторов, к числу которых относятся конкретные слова языка, конструкции (или модели), определяющие общее конструктивное значение предложения, само это значение, в сфере и на фоне которого взаимодействуют индивидуальные значения слов, грамматические правила данного языка, регулирующие сочетаемость/несочетаемость слов и способы их соединения. При этом слова в формирующемся предложении приобретают функциональные значения, соотношение которых фактически формирует общее конструктивное значение предложения; конкретный же смысл предложения возникает в результате взаимодействия общего значения предложения и значений отдельных слов, отягчённых в предложении функциональными значениями [15, с. 300–301]. Развивая мысль о взаимодействии общего конструктивного значения предложения со значениями входящих в его состав слов, автор приходит к выводу о нелинейном характере такого взаимодействия, так как значения входящих в предложение слов органически входят в общее

конструктивное значение, конкретизируя его; последнее выступает в качестве организующего момента при формировании смысла. «Накладываясь» друг на друга, общее конструктивное значение и значения слов обнаруживают, таким образом, нелинейное взаимодействие. Однозначно отдаёт приоритет предложению перед словом и Л. Витгенштейн, заявляя, что имя обретает значение лишь в контексте предложения [6, с. 13].

Говоря о многоаспектном и разнообразном характере взаимодействия разноуровневых значений в предложении, В. М. Солнцев приходит к заключению о несуммативной природе его смысла. По сути, речь идёт о невозможности сведения смысла предложения как к совокупности лексических значений составляющих его слов, так и к «чистому» конструктивному значению без учета семантики его конститuentов [15, с. 311–312].

Таким образом, смысл предложения как относительно стабильного и статичного языкового знака может быть исчислен, так как принципиально конечны и обозримы генерирующие его параметры, а именно: модель предложения, по которой оно строится, значения входящих в его состав имён, а также правила их комбинаторики. Такой смысл условимся называть узואльным смыслом предложения.

Второй модус бытия предложения есть его функционирование в качестве высказывания в речевой коммуникации. Правомерно ожидать, что смысл предложения-высказывания, то есть речевой смысл будет характеризоваться иначе, чем смысл предложения как виртуального языкового знака. Как полагает А. В. Бондарко, речевой смысл результирует из взаимодействия и взаимосвязи следующих компонентов: 1) эксплицитная языковая (по своему источнику) информация, вытекающая из взаимосвязи и интеграции речевых реализаций языковых значений в данном тексте, выраженных формальными языковыми средствами; 2) имплицитная контекстуальная информация, не выраженная непосредственно языковыми средствами данного текста, но вытекающая из его соотношения с более широким контекстом; 3) прагматическая информация, вытекающая из эмоциональных, экспрессивных, образных и других стилистических элементов текста; 4) неязыковая информация – ситуативная (связанная с речевой ситуацией) и энциклопедическая (связанная со знанием и опытом говорящего и адресата) [4, с. 13–14].

Идея противопоставленности различных видов смысла в рамках противопоставления более общего порядка (язык/речь) находит своё развитие и в других трудах А. В. Бондарко. Так, в одной из его недавно опубликованных статей говорится о том, что в понятии «смысл» могут быть выделены два аспекта: системно-категориальный и речевой. Имеются в виду, с одной стороны, такие понятия, как семантическая (мыслительная, понятийная, когнитивная, нозматическая) категория, предикатно-аргументная структура, а с другой – речевой, актуальный смысл, смысл высказывания и текста. В первом случае речь идет о категориях и категориальных структурах как элементах когнитивной системы, о системе смыслов, а во втором – о смыслах, связанных с процессами и результатами мыслительно-речевой деятельности. Таким образом, в сфере смысла намечаются различия, сходные с соотношением языка и речи [4, с. 23]. Сопоставимую трактовку смысла предложения-высказывания находим у Д. А. Сальковой, согласно мнению которой, значение предложения, представляющее собой определенный набор лексических и грамматических сем его конструкции, соотносится с его смыслом, как соотносятся постоянные (или высокочастотные) семантические компоненты и случайные.

В решении проблемы соотношения значения и смысла важную роль должно сыграть адекватное понимание сущности дискурса. Такого рода построение теории дискурса опирается на осмысление механизмов соотношения языка и действительности, работающих на уровне системы языка и речи.

Основной недостаток всех предложенных до сих пор подходов в исследовании знаков (в частности, их смыслов, значений, значимостей и «содержаний») заключается, по нашему убеждению, в том, что не учитывается принципиальное отличие их как объектов и предметов изучения от всех других предметов, в исследовании которых естественные науки достигли к настоящему времени известных успехов; в результате все существующие концепции знака и речи-языка как знаковой системы дают недопустимо переупрощенное представление о них и делают невозможной разработку новых эффективных методов исследования.

1. Рассмотреть «смыслы» и «значения» с деятельностной точки зрения – это значит ввести и изобразить в соответствующих схемах такие системы деятельности (или системы, принадлежащие к деятельности), относительно которых «смыслы» и «значения» являются элементами и частичными организованными; это даст возможность выводить затем функции и основные характеристики строения этих элементов, исходя из наших представлений о процессах и механизмах функционирования и развития систем деятельности.

Действуя согласно этому принципу, предположим на первом этапе анализа, что для «смысла» такой системой, принадлежащей к деятельности, является система акта коммуникаций, включающая: (1) действия первого индивида в некоторой «практической» ситуации, (2) целевую установку, делающую необходимой передачу определенного сообщения второму индивиду, (3) осмысление ситуации с точки зрения этой целевой установки и построение соответствующего высказывания-сообщения-текста, (4) передачу текста-сообщения второму индивиду, (5) понимание текста-сообщения вторым индивидом и воссоздание на основе этого некоторой ситуации возможного действия, (6) действия в воссоздаваемой ситуации, соответствующие исходным целевым установкам второго индивида и сохранению полученного им сообщения.

2. Обыденное употребление слов «понимание» и «смысл» наталкивает на то, чтобы определить «смысл» как то, что понимается нами при прочтении текста; и многие исследователи прямо переносят это представление из обихода в науку; тогда оно мыслится в ряду подобных же определений: «то, что воспринимается», «то, что преобразуется», «то, что получается» и т. д., и «смысл» в силу этого выступает либо как предмет понимания, либо как его продукт.

Однако такое определение «смысла», совершенно естественное, само собой разумеющееся и, как представляется, схватывающее суть, на деле оказывается мнимым: оно не имеет ни операционального, ни онтологического содержания. Выход из тупика следует искать в феноменологической плоскости знаково-семасиологического соотношения слова и предложения.

С феноменологической точки зрения, по Э. Гуссерлю, сознание не может быть ни чем иным, как процессом придания смысла и построения смыслового горизонта предметности. Э. Гуссерль вводит понятие «ноэтическое переживание», которое означает не просто психический акт как таковой, а психологический акт придания смысла или значения явлению или предмету [7]. Ноэма, в представлении Э. Гуссерля, означает структуру сознания, благодаря которой возможно удерживать различные смыслы или значения предмета, выделять их инвариант при построении смыслового горизонта. Не предмет, согласно Гуссерлю, характеризует ноэму, но структура ноэмы содержит отношение, оценку и смыслы, которые порождает сознание в процессе рефлексии по отношению к предмету.

Э. Гуссерль вводит понятие «ядро» ноэмы – смысловой центр, ядерный слой – инвариант, состоящий из устойчивых элементов (понятие, аналогичное «культурным константам» в культурологии); этот центр группирует вокруг себя все возможные, усматриваемые сознанием смыслы, образующие полную ноэму как инвариант смысловых значений.

М. Мерло-Понти, французский философ, представитель экзистенциально-феноменологического направления в философии, продолживший феноменологические исследования Э. Гуссерля, придавая большое значение трактовке Э. Гуссерлем понятия «феномен», определяет человеческое поведение как «символическое», которое не просто имеет значение, несводимое к объективным детерминациям, но и само рождает смысл, благодаря которому культурный мир выстраивается вокруг человека, становится родственным ему. В своем труде «Феноменология восприятия» М. Мерло-Понти углубляет феноменологическую редукцию и интенциональный анализ Гуссерля и вслед за ним утверждает, что интеллектуалистская рефлексия не способна быть последовательной и полной, поскольку утратила понимание своего собственного начала, углубляясь в абстрактные формы представления о мире и на этом пути окончательно потеряла способность непосредственного восприятия и переживания «феноменов» окружающей действительности. Исходя из этого, Мерло-Понти считает, что все усилия трансцендентальной

феноменологии должны быть направлены на то, чтобы вернуться к «живому опыту феноменов», описывать и изучать априорные структуры нашего присутствия в мире, его восприятия и его переживания [12]. М. Мерло-Понти, понимая редукцию как выдвижение на первый план смысловой связи сознания и мира, а интенцию в ее всеобщем значении – как «формулу единого поведения перед лицом Другого, Природы, времени, смерти, словом, особый способ оформления мира» [11, с. 18], утверждает, что с помощью интенциональности и редукции как принципов феноменологической философии возможно смысловое конституирование жизненного мира как «интенционального мира» (по Гуссерлю, мира символических значений) или картины мира. Одновременно с этим М. Мерло-Понти считает, что многие философские доктрины и психологические исследования при изучении человеческой субъективности игнорируют мир культуры и обращаются только к миру объектов, который не исчерпывает интересы феноменологии, так как не является актуальным с точки зрения смыслообразования и семиозиса.

Итак, в широком понимании смысл можно интерпретировать как открывшийся нашему сознанию мотив. Данное понимание смысла справедливо и по отношению к слову, и по отношению к предложению. Смысл и значение этих единиц в языке и речи может быть коммуникативным и этимологическим.

Коммуникативный смысл слова определяется контекстом и ситуацией. Понять смысл словесного знака в акте коммуникации значит уяснить, какое именно конкретное обозначаемое обозначается данным словом. Такое обозначаемое, собственно, и мотивирует выбор того или иного слова коммуникантами. Слово, оказавшееся вне конкретной знаковой ситуации и извлеченное из контекста, лишается своего смысла. Так, слово *мир*, извлеченное из контекста, утрачивает смысл, так как лишается конкретного означаемого: им может быть и «вселенная», и «отсутствие войны». Этимологический же смысл слова определяется не контекстом, в котором употреблено слово, а его мотивацией, то есть пониманием его внутренней формы. Все непроизводные слова языка в том или ином языке не мотивированы и, следовательно, лишены смыслового содержания. Только при условии актуализации этимона нашему сознанию раскрывается его смысл, мотивируемый его внутренней формой.

Литература

1. Авоян Р. Г. Значение в языке. – М.: Высш. шк., 1985. – 103 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 177 с.
4. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб.: Наука, 1998. – С. 51–63.
5. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
7. Гуссерль Э. Логические исследования // Избр. раб. / сост. В. А. Куренной. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 5–64.
8. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
9. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
10. Манаенко Г. Н. Значение языкового выражения и его онтология // Предложение и слово: сб. науч. ст. – Саратов: Наука, 2010. – С. 195–200.
11. Мерло-Понти М. Око и дух. – М.: Искусство, 1992. – 63 с.
12. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 605 с.
13. Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
14. Самигулина Ф. Г. Речевая коммуникация: когнитивный и синергетический аспекты // Предложение и слово: сб. науч. ст. – Саратов: Наука, 2010. – С. 248–253.
15. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Наука, 1977. – 340 с.
16. Сулейменова Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
17. Сыроваткин С. Н. Значение высказывания и функции языка в семиотической трактовке // Вопр. языкознания. – 1973. – С. 43–50.
18. Kintsch W. Learning, memory, and conceptual processes. – New York: Wiley, 1970. – 498 p.

Literatura

1. Avojan R. G. Znachenie v jazyke. – M.: Vyssh. shk., 1985. – 103 s.
2. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki. – M.: Gnozis, 2005. – 326 s.
3. Bondarko A. V. Grammaticeskoe znachenie i smysl. – L.: Nauka, 1978. – 177 s.
4. Bondarko A. V. O stratifikacii semantiki // Obshee jazykoznanie i teorija grammatiki. – SPb.: Nauka, 1998. – S. 51–63.
5. Bjuler K. Teorija jazyka: Rerezentativnaja funkcija jazyka. – M.: Progress, 1993. – 528 s.
6. Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. – M.: Gnozis, 1994. – 612 s.
7. Gusserl' E. Logicheskie issledovanija // Izbr. rab. / sost. V. A. Kurennoj. – M.: Territorija budushhego, 2005. – S. 5–64.
8. Kasevich V. B. Semantika. Sintaksis. Morfologija. – M.: Nauka, 1988. – 309 s.
9. Losev A. F. Znak. Simvol. Mif. – M.: MGU, 1982. – 480 s.
10. Manaenko G. N. Znachenie jazykovogo vyrazhenija i ego ontologija // Predlozhenie i slovo: sb. nauch. st. – Saratov: Nauka, 2010. – S. 195–200.
11. Merlo-Ponti M. Oko i duh. – M.: Iskusstvo, 1992. – 63 s.
12. Merlo-Ponti M. Fenomenologija vosprijatija. – SPb.: Juventa: Nauka, 1999. – 605 s.
13. Mihajlov V. A. Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitel'noj dejatel'nosti. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 1992.
14. Samigulina F. G. Rehevaja kommunikacija: kognitivnyj i sinergeticheskij aspekty // Predlozhenie i slovo: sb. nauch. st. – Saratov: Nauka, 2010. – S. 248–253.
15. Solncev V. M. Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. – Izd. 2-e, pererab. – M.: Nauka, 1977. – 340 s.
16. Sulejmenova Je. D. Ponjatie smysla v sovremennoj lingvistike. – Alma-Ata: Mektep, 1989. – 160 s.
17. Syrovatkin S. N. Znachenie vyskazyvanija i funkcii jazyka v semioticheskoj traktovke // Vopr. jazykoznanija, 1973. – S. 43–50.
18. Kintsch W. Learning, memory, and conceptual processes. – N. Y.: Wiley, 1970. – 498 p.